

В деле репрессивной политики Андропов был решительнее, чем в экономическом реформаторстве. Пока пекли пряник, в дело пошел кнут.

Если при Брежневе советские ценности равноправия сдерживали аппетиты элиты, заставляли ее скрывать свои привилегии, то Андропов был намерен превратить эти ценности в карающий меч. Правда, отменять номенклатурные привилегии он при этом не собирался.

В декабре 1982 г. был смещен и позднее отдан под следствие министр внутренних дел Щелоков. На его место Андропов поставил ретивого, но не вполне «своего» председателя КГБ Федорчука, который приступил к чистке ненавистных органов МВД. На место бывалых, хотя и не безгрешных работников милиции приходят «проверенные кадры» КГБ. Такое «укрепление» милиции изрядно дезорганизовало ее деятельность, прежде всего потому, что КГБ отправляло на работу в милицию тех работников, которых было не жалко. Да и в целом квалификация сотрудников госбезопасности не годилась для милиции. Специалисты по борьбе с разведкой и инакомыслием оказывались беспомощными перед лицом бандитизма.

Однако Андропов ориентировал милицию на выполнение новых для нее функций, где особой квалификации не требовалось. Выступая на встрече с секретарями ЦК, Генеральный секретарь говорил о том, что «ослабла дисциплина труда. По Москве, например, в рабочее время бродят тысячи бездельников, как правило управленцев, сотрудников НИИ и т.д.»⁵¹⁷ Началась кампания борьбы за трудовую дисциплину. Пик этой операции «Трал», ставшей визитной карточкой андроповского правления, пришелся на декабрь 1982 г. Милиция устраивала облавы на людей, оказавшихся в рабочее время на улице, в магазине или парикмахерской. Если не находилось уважительных причин их отсутствия на рабочем месте, «праздношатающимся» грозили административные взыскания. Государство стало воистину полицейским, что, однако, не мешало действовать преступникам, на которых у милиции осталось меньше времени.

Но это была только часть кампании по «наведению порядка», ядром которой стала «борьба с коррупцией».

Центральная партийная номенклатура во главе с Андроповым не могла смириться с тем, что средства, предназначенные для общегосударственных задач, уходят в карманы подчиненных. Обозначившееся в период брежневского правления стремление части номенклатуры перекачать власть в собственность противоречило интересам правящей олигархии, распоряжавшейся народным хозяйством в целом.

Коррупция действительно представляла собой серьезную проблему для СССР, но методы борьбы с ней в первой половине 80-х гг. не позволяли эту проблему решить. Речь не шла о преодолении социальных причин коррупции, прежде всего — монополизма бюрократии, широких полномочий чиновника при принятии решений. Политика «борьбы с нарушениями социалистической законности» была призвана нанести выборочные удары по отдельным звеньям системы коррупции (иногда второстепенным) с тем, чтобы умерить аппетиты остальной части аппарата.

В центральных ведомствах было решено арестовать по несколько чиновников — дабы остальные трепетали. При этом жертвы выбирались достаточно произвольно, и не всегда из числа тех людей, которые действительно играли значительную роль в коррупционной сети.

«В 70-х и начале 80-х годов было произведено большое количество арестов, возникло множество судебных дел, очевидной особенностью которых было общее снижение уровня

⁵¹⁷ Воротников В.И. Указ. соч. С.23.

требований к соблюдению начал объективности, законности и одновременно — заметное усиление репрессивных тенденций в оценке действий обвиняемых по этой категории дел,” — считает адвокат И. Кисенишский⁵¹⁸.

Наиболее громкое дело в Москве было связано с разоблачением злоупотреблений в торговле — были арестованы директор «Елисеевского» магазина (гастронома № 1) в Москве Ю. Соколов и его сотрудники. По утверждению замминистра внешней торговли В. Сушкова, расследование его дела велось с нарушениями норм законности. Это подтверждается и процессом частичного пересмотра дела Соколова, прошедшим уже в 90-е гг.⁵¹⁹ В ноябре 1983 г. Соколова, которому обещали мягкий приговор в случае сотрудничества со следствием, расстреляли. Директор гастронома № 2 застрелился сам. По делу Главторга проходили сотни сотрудников. Начались аресты в Ростовской области, в Одессе, Краснодарском крае и других регионах.

В августе 1983 г. министр внутренних дел В. Федорчук сообщал о разоблачении злоупотреблений на транспорте: «в итоге умелых действий оперативных работников МВД СССР разоблачена группа взяточников во главе с начальником ревизионного отдела Министерства путей сообщения Путинцевым и его заместителем Берченко, которые вместе с сообщниками привлечены к уголовной ответственности... Велики приписки на транспорте. На иных из проверяемых объектов они достигают 40 процентов. В подмосковном Ногинске, например, за счет систематических приписок списано за три года с подотчета одного из водителей 36 тысяч литров бензина и ему незаконно выписано 11 тысяч рублей, а служащие автопредприятия получили 80 тысяч «премиальных». В прошлом году госавтоинспекция выявила значительное количество грузовиков с неработающими спидометрами.

Немало расхищается железнодорожных грузов, причем зачастую самим работниками транспорта. На станции Курск группа машинистов и их помощников совершила несколько краж на общую сумму более чем 93 тысячи рублей, а бывший начальник грузового двора станции Самтредиа (Грузинская ССР) похитил 1300 мешков сахара»⁵²⁰.

Массовые репрессии прокатились по сфере обслуживания, где врачам, электрикам, продавцам и т.п., давно стало принято «доплачивать за качество» подарками от «благодарного клиента».

Андроповские репрессии, оставшиеся в мифе как народная борьба против проворовавшихся чиновников, на деле своим острием обернулись против водителей, железнодорожников и прочих «стрелочников», покушавшихся на монополию партийно-государственного руководства распоряжаться «общенародной» собственностью. При этом усиление контроля за распоряжением государственной собственностью только укрепляло коррупционный механизм в целом. Дело в том, что коррупция в СССР опиралась на разветвленную систему приписок, ставшую своего рода реакцией общества (в том числе и руководящей элиты) на оторванные от жизни экономические планы. Вводя новые контрольные показатели, Андропов усиливал социальную почву коррупции.

Приверженный политике локальных экспериментов, Андропов и для «искоренения коррупции» решил выбрать образцово-показательный полигон. Им стал Узбекистан. По мнению следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР К. Майданюка, возглавлявшего расследование «хлопкового дела» (приписок в хлопковой отрасли Узбекской ССР), «Узбекистан пал жертвой планового экстремизма, преступного по

⁵¹⁸ Кисенишский И., Кисенишский М. Известные судебные процессы. Записки адвокатов — участников. М., 1993. С.41–42.

⁵¹⁹ Сушков В. Заключение по кличке «министр». М., 1995. С.17; Федоткина Т. Показательная казнь. «Московский комсомолец», 1.6.1995.

⁵²⁰ Федорчук В. На страже правопорядка. «Правда», 10.8.1983.

сути, ибо физически не мог дать столько хлопка, и это была народная трагедия: пирамида приписок начиналась с поля, с бригады, потом — хозяйство, район и т.д. (участвовали все — получали по разному)...»⁵²¹

В Средней Азии (и не только в Узбекистане) коррупция была к тому же вплетена в систему традиционных отношений, что придавало всей конструкции не только всеобъемлющий, но и почти легальный характер. Без взятки многие чиновники и хозяйственники просто не могли работать, взятка считалась нормальной доплатой, молчаливо санкционированной сверху. Соответственно, легко было «выйти на след» преступления, которое не очень-то и скрывали.

Андроповский удар пришелся по базису и среднему звену пирамиды коррупции. Волна арестов захватила массу рядовых взяточдателей и взяточников. Следователь Т. Гдлян вспоминает: «в организованные руководством Узбекистана и Центра преступления было втянуто огромное количество трудящихся. Из них тысячи и тысячи уже осуждены к различным мерам наказания. В их числе бригады, агрономы, председатели колхозов, директора совхозов и другие специалисты низшего звена управления, чьим трудом и знаниями выращивался хлопок. Справедливо ли это? Из многих взятки вымогались фактически насилием... Вместо того, чтобы разобраться в первопричинах этих преступлений с феодальным духом, отличить матерых организаторов от бессловесных рядовых исполнителей и дифференцировано подойти к судьбе каждого человека, ставшего винтиком коррупционного механизма, формально-бюрократическая машина правоохранительных органов без особого разбора, с хрустом прошла по их судьбам»⁵²².

Борьба с коррупцией в Средней Азии позволяла «убить двух зайцев». С одной стороны — ослабить и припугнуть консерваторов и коррупционеров в СССР в целом, а с другой стороны — проводить образцово-показательные чистки вдали от центра, удовлетворяя справедливый гнев населения и не очень нервирова центральную партийную бюрократию.

В апреле 1983 г. арестом начальника ОБХСС УВД Бухарского облисполкома А. Музаффарова началась операция по искоренению коррупции в Узбекистане. При подготовке операции КГБ Узбекистана учитывало клановые противоречия первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидова и Бухарского первого секретаря А. Каримова⁵²³. У Музаффарова было изъято 1 131 183 рубля⁵²⁴, монеты и золотые изделия. Нажить такой капитал, откладывая деньги из зарплаты, офицер милиции не мог. Музаффаров считал за лучшее давать показания. Вскоре было арестовано еще 7 милицмейских и хозяйственных руководителей областного уровня, хотя здесь улик было обнаружено меньше, чем в случае с Музаффаровым. Одновременно были проведены операции КГБ в Ташкенте. К делу подключилась союзная прокуратура. В сентябре 1983 г. группу прокуратуры СССР, расследующую дело о коррупции в Бухарской области, возглавил старший следователь по особо важным делам Т. Гдлян.

Гдлян подключился к уже во всю «раскручиваемому» делу. Но за то он придал ему более широкий размах, соответствующий масштабам политики Андропова.

Группу Гдляна интересовали «верхи» коррупционного механизма. Постепенно следственное кольцо стало сжиматься и вокруг руководителей областного уровня. В декабре 1983 г. был освобожден от должности руководитель Бухарской области А. Каримов, ушел на пенсию министр внутренних дел Узбекистана Эргашев, фамилия которого стала

⁵²¹ «Почему он ушел?» «Известия», 23.3.1990.

⁵²² Гдлян Т., Иванов Н. Кремлевское дело. М., 1994. С.12.

⁵²³ Там же. С.13.

⁵²⁴ Там же. С.15.

фигурировать в материалах следствия.

Перед группой Гдяна стояла трудная задача. По словам начальника управления по борьбе с организованной преступностью МВД СССР В. Гурова, «каждому юристу известно, что доказать взятку «постфактум» практически невозможно. Нужно либо «выбивать» чистосердечное признание, либо находить еще какие-то доказательства. Мне запомнились слова одного профессионального работника БХСС МВД СССР М. Аверкова (Аверков сейчас возглавляет одно из управлений МВД РФ), который сказал: ”Я с Гдяном работать отказался, и не потому, что побоялся чего-то, а просто не привык издеваться над людьми»⁵²⁵.

Если верить материалам проверки Прокуратуры СССР 1989–1990 гг., Гдян и Иванов пошли по пути, который, как казалось, мог бы существенно «ускорить» их работу, повысить «производительность труда». Для этого на вооружение была взята «царица доказательств», выражаясь словами Вышинского — признание обвиняемого. По утверждению проверяющих, Гдян начинал не с обысков, а с арестов подозреваемых, а затем добивался признания с помощью различных методов, среди которых специалисты комиссии, проверявшей деятельность группы, называют избиения, угрозы преследования родных (многие из них также арестовывались), обман, издевательства рецидивистов и т.д.⁵²⁶ Следователи добивались от обвиняемого показаний на него самого и «лиц наверху», постепенно выстраивая нужную руководителям из ЦК КПСС «пирамиду», в которую включались всё более высокопоставленные руководители республики. Группе под руководством Гдяна была доверена миссия нанесения сокрушительного удара по узбекскому чиновничьему клану.

Первый успех был особенно важен для Гдяна, поскольку это позволяло ему получить в дальнейшем чрезвычайные полномочия. После «выхода» на Бухарский обком в Москве решили, что Гдян — как раз тот человек, который сможет «разворошить муравейник» узбекской номенклатуры. Генеральный прокурор СССР А. Рекунков замкнул работу группы на себя, наделив Гдяна дополнительными полномочиями.

«Правоохранительные» органы не владели действительно правовой методикой борьбы с коррупцией, когда доказательства в большинстве своем собираются до ареста подозреваемого. И потому им приходилось «создавать» доказательства, опираясь прежде всего на рабочую гипотезу: в условиях тотального характера коррупции практически любой руководитель нарушает закон. К. Майданюк утверждает: «Следователь может фамилии не знать, но заранее предполагает, какая должность откуда и что «черпает». А раз так, то и доказательства найдутся. Возникает презумпция виновности, человека арестовывают, а уж потом... Отсюда — произвол, беззакония, ошибки»⁵²⁷.

Расследование в Бухарской области привело следователей к выводу о том, что в системе коррупции участвует почти все общество. Все виновны, но посадить следует тысячи, а не миллионы. Таким образом преследования приобретали произвольный характер. Следователей интересовали только люди, которые могли вывести их на ЦК КПУ, который они сочли «штабом мафии». В этом выводе была своя логика, естественная для человека, воспитанного в СССР: за все в республике должен отвечать ЦК Компартии. ЦК —

⁵²⁵ Гуров А. Красная мафия. М., 1995. С.204.

⁵²⁶ Илюхин В. Вожди и оборотни. Прерванное расследование. М., 1994. С.26, 29, 30, 31. Работы В. Илюхина, Т. Гдяна и Н. Иванова основаны на материалах «прерванных расследований» и в значительной своей части не подтверждены в судебном порядке. Дискуссия между этими следователями носит тенденциозный характер. Приводя их мнения, мы не солидаризируемся с ними в юридическом смысле слова, а предоставляем возможность читателю сделать вывод самостоятельно. Тем не менее воспоминания участников расследований, остановленных и разрушенных по политическим причинам, являются важным источником для понимания ситуации середины 80-х гг.

⁵²⁷ «Почему он ушел?».

организатор всех социальных явлений. Если социальное явление признано законом преступным, значит преступен ЦК КПУ. Теперь оставалось только найти доказательства. Для этого нужно было «пройти» цепочку от уже арестованных людей до руководства Узбекистана.

Усиливалось давление на Узбекскую парторганизацию и по партийной линии. По инициативе завсектора среднеазиатских республик Г. Смирнова и с одобрения Андропова Лигачев провел жесткую беседу с первым секретарем ЦК КПУ Ш. Рашидовым⁵²⁸. Через два месяца, 31 октября 1983 г., хозяин Узбекистана скоропостижно скончался, что породило легенду, будто он был убит при аресте, как Амин в Кабуле.

Маховик раскручивался все быстрее после смерти Андропова. Если в 1980 г. было выявлено 6024 взяток, а в «андроповском» 1983 г. — 8568, то в 1985 — уже 10561. Близкая картина наблюдается и по более распространенному преступлению «хищение». Если в 1980 г. было зафиксировано 67410 преступлений, охарактеризованных как «хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением», то в 1983 г. таких преступлений было выявлено уже 79594, в 1984 г. — 85087. При этом коэффициент преступности в большинстве республик, включая Узбекистан, где деятельность правоохранительных органов приобрела наибольшую известность, укладывался в показатель 20–26 разоблаченных преступлений на 100 тыс. жителей. Больше этого были показатели в России (38,2) и Белоруссии (31,7), а безусловным рекордсменом был Казахстан (57,7)⁵²⁹. Таким образом реальная статистика преступности не соответствовала географии публичных разоблачений. Понятно, что среди тысяч арестованных высокопоставленные чиновники составляли считанные единицы, а остальные были простыми советскими людьми. Ведь взяткой могли счесть и коробку конфет, и доплату за работу электрика или зубного врача в пять рублей.

???

??? Герулайтис ???

Вопреки распространенному мифу о «возвращении к застою» после смерти Андропова, при Черненко кампания по борьбе с коррупцией продолжала нарастать. Черненко «дал добро» на арест бывшего первого секретаря Бухарского обкома КПСС А. Каримова. По словам следователей Т. Гдляна и Н. Иванова «это был очень важный прецедент — за несколько десятилетий первый случай привлечения к уголовной ответственности партийного руководителя столь высокого ранга»³⁴. Слова «за несколько десятилетий» можно читать: «впервые с 1953 г.»

К концу следствия по делу Каримова в июле 1986 г. у него (и его родственников) было изъято более 6 миллионов рублей (основная часть — в золотых монетах)⁴⁰. Эта сумма была для подавляющего большинства жителей СССР совершенно запредельной, не укладывающейся в сознание. По данным Майданюка руководителям Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР и их сообщникам, севшим на скамью подсудимых в августе 1986 г., удалось украсть из казны свыше 2 миллиардов рублей. В 1979–1983 гг. приписки составили свыше 4 миллионов тонн хлопка⁵³⁰. После работы следственных групп в Бухарской области 11 первых секретарей райкомов были исключены из партии и в большинстве своем отправлены на скамью подсудимых, 5 чиновников разного

⁵²⁸ Лигачев Е.К. Указ. соч. С.171–178.

⁵²⁹ «Преступность и правонарушения в СССР». М. 1990 С.68–70. С.68–70.

⁵³⁰ «Почему он ушел?»

уровня, в том числе первый секретарь обкома — приговорены с расстрелу⁵³¹. Каримову смертную казнь все же заменили заключением, и он до сих пор сидит в комфортабельной тюрьме. По утверждению Т. Гдляна «За четыре года, с июня 1984 по сентябрь 1988, в многострадальном Узбекистане смещены 58 тысяч ответственных работников»⁵³².

Одновременно с чисткой Андропов усиливал нажим и на всю толщу бюрократии. Чтобы сохранить место, чиновник должен был «крутиться». 7 апреля было принято постановление ЦК, затруднявшее корректировку плана и лоббирование ведомств в плановых органах⁵³³. В июле 1983 г., когда в ряде отраслей произошел очередной экономический «сбой» — отставание от плановых показателей (как считали многие хозяйственники — нереальных), Андропов устроил «разнос» на Политбюро: «Почему же сейчас сбой? Нужно прекратить демобилизующие разговоры о невыполнимости плана второго полугодия и года... Требуется конкретная работа. Какая? Это дело Совмина, Госплана, Госснаба, министров... Не дело Политбюро заниматься частностями, водить вас за руку»⁵³⁴. Как хотите, так и выкручивайтесь. Политическое руководство не знало, как конкретно добиться выполнения поставленных им планов. Об этом голова должна болеть у хозяйственников, если они хотят сохранить место. Универсальным решением подобных проблем Андропов считал подтягивание дисциплины: "Дела идут неважно, а руководители министерств, отраслей в отпусках, лето — самая лучшая пора! Отозвать немедленно тех, у кого плохо идут дела. Повышение дисциплины, ответственности, это, прошу учесть, не кампания, это постоянные факторы. Предупреждаю всех! Кто сорвет планы — будет объясняться в ЦК. Посмотрим, надо ли держать такого министра»⁵³⁵. Показатели после этого поползли вверх. Какую роль в этом сыграли приписки — сказать сегодня трудно.

Андроповский нажим на бюрократию показал чиновникам, что их положение неустойчиво, что в любой момент они могут быть выброшены из правящей элиты. Это усилило готовность бюрократии к системным переменам и расширило социальную базу реформистской группировки.